

Иван Семистарцев и Ногай-птица

Основано на издании 1917 г

Автор адаптации: Ольга Комарова

Данный текст, а также оригинал сказки доступны для просмотра по следующему адресу:

gusi-lebedi.org/content/ivan-semistartsev-i-nogay-ptitsa/

Друзья! Мы вкладываем в наш сайт свою душу и огромное количество времени. Поэтому мы будем рады, если вы сохраните все ссылки в документе, а также расскажете о нас своим друзьям.

Команда gusi-lebedi.org

Иван Семистарцев и Ногай-птица

Жил-был в далёкой глухомани мужик. Родила ему жена сына Ивана, а сама в ту же ночь Богу преставилась. Схоронил её муж, стал думать да гадать, как бы ему сына окрестить – все церкви за десятки вёрст от их глуши, страшно в такую даль с младенцем идти. Да и ни один батюшка приход свой не оставит, в такую глухомань не поедет. Что же делать? Негоже мальчонке некрещёному расти!

На счастье мимо того захоlustья семеро старцев проходили. Пригласил их мужик в дом, накормил, напоил да о своей беде рассказал.

— Не печалься, хозяин! – говорят странники. – Мы Божьи люди, в исключительных случаях разрешает нам Господь таинство церковное совершать. Окрестим мы твоего сыночка, снимем с него грех первородный, к вере православной приобщим.

Совершили старцы обряд крещения, и с тех пор стали все мальчонку не иначе как Иваном Семистарцевым называть.

Вот год прошёл, другой миновал, а там и пять, десять, пятнадцать. Как исполнилось юноше восемнадцать лет, отправился он по осени в столицу работу искать. И тут случилось на земле чудо: померкло Солнце, погрузилась вся земля во мглу беспросветную. Ох, и страшно было людям в темноте жить! Думали уж все, что конец света настал, но прошло три дня, три часа да три минуты, и снова Солнце на небе взошло, осветило землю лучами ласковыми. Возрадовался народ, а царь Гордей повелел узнать, что за оказия такая приключилась.

Чешут мудрецы бороды седые, только никто государю ответ дать не может. Пришёл тогда Иван Семистарцев во дворец и говорит:

— Я, царь-батюшка, ответ на твой вопрос дать не могу, но коли снарядишь меня в дорогу дальнюю, пойду я странствовать и разузнаю, почему Солнце на три дня, три часа да три минуты померкло.

Дал государь доброму молодцу свою царское благословение, обрядил его в кафтан справный да сапоги хромовые, отсыпал щедро монет из казны, и отправился Иван Семистарцев куда глаза глядят. Долго ли он шёл, коротко ли, пока не добрался до зелёной дубравы.

Тут солнышко ясное за тучкой скрылось, зашумел ветер, застучал по листьям дождь проливной. Спрятался юноша под деревом и услышал, как высоко в ветвях кто-то пищит-заливается. Недолго думая, забрался Иван Семистарцев на самую вершину дуба и увидел гнездо, а в нём семерых птенчиков. Мокнут бедняги под ливнем, клювики разевают, на помощь зовут. Скинул тогда добрый молодец свой кафтан, прикрыл желторотиков.

Только солнышко из-за тучки выглянуло, как прилетела огромная Ногай-птица. Увидала она незнакомца рядом с гнездом, крыльями замахала, клювом защёлкала:

— Ты почто это, незнакомец, детишек моих погубить вздумал?

— Нет, маменька, – запищали птенчики. – Этот человек нас от дождя укрыл! Сам весь вымок, а мы сухими остались!

Помогла тогда Ногай-птица юноше с дерева спуститься, стала его благодарить:

— Вот спасибо тебе, добрый странник! За то, что деток моих уберёг, буду верой и правдой тебе служить! Ты куда путь держишь?

— Отправил меня царь-батюшка разузнать, почему по осени Солнце на три дня, три часа да три минуты померкло. Долго уж я по свету брожу, только так ответа на вопрос и не получил, – вздохнул Иван Семистарцев.

— Не печалься, добрый молодец! – говорит птица. – Садись мне на спину, отнесу я тебя за тридевять земель, за тридесять морей, туда, где сёстры Солнца живут. Зовут их Заря, Луна и Звезда. Авось, они знают, почему их братец пропадал.

Подхватила Ногай-птица юношу и понесла в неведомые дали. Долго ли они летели, коротко ли, пока не добрались до стеклянного дворца. Вышла на крыльцо девица Заря, пригласила гостя в палаты светлые, накормила, напоила, стала расспрашивать, кто он таков да куда путь держит.

— Я Иван, семью старцами крещёный. Отправил меня царь-батюшка разузнать, почему по осени Солнце на три дня, три часа да три минуты померкло. Долго уж я по свету брожу, только так ответа на вопрос и не получил, – отвечает путник.

— Не печалься, добрый молодец! Сегодня Солнце в гости ко мне придёт, я у него всё выведать постараюсь. А ты пока спрячься.

Только успел Иван Семистарцев в подпол спуститься, как к Заре братец пожаловал.

— Отчего это у тебя, сестрица, во дворце духом русским пахнет?

— Ох, братец! Каждый день ты светом ясным землю озаряешь, вот тебе везде русский дух и мерещится! Садись-ка, поешь, попей, да поведай мне, отчего ты по осени на три дня, три часа да три минуты померк?

Нахмурилось Солнце:

— Этого, сестрица, знать тебе не надобно!

Встал брат из-за стола и ушёл восвояси. Выбрался Иван Семистарцев из подпола, на Зарю вопросительно смотрит, а та только плечами пожимает. Поблагодарил тогда юноша девицу за угощение, из дворца стеклянного вышел, а во дворе уж Ногай-птица его поджидает. Подхватила она доброго молодца да понесла в неведомые дали. Долго ли они летели, коротко ли, пока не добрались до хрустального дворца. Вышла на крыльцо девица Луна, пригласила гостя в палаты светлые, накормила, напоила, стала

расспрашивать, кто он таков да куда путь держит.

— Я Иван, семью старцами крещёный. Отправил меня царь-батюшка разузнать, почему по осени Солнце на три дня, три часа да три минуты померкло. Долго уж я по свету брожу, только так ответа на вопрос и не получил, – отвечает путник.

— Не печалься, добрый молодец! Сегодня Солнце в гости ко мне придёт, я у него всё выведать постараюсь. А ты пока спрячься.

Только успел Иван Семистарцев в подпол спуститься, как к Луне братец пожаловал.

— Отчего это у тебя, сестрица, во дворце духом русским пахнет?

— Ох, братец! Изю дня в день ты светом ясным землю озаряешь, вот тебе везде русский дух и мерещится! Садись-ка, поешь, попей, да поведай мне, отчего ты по осени на три дня, три часа да три минуты померк?

Насупилось Солнце:

— Вы с Зарёй прямо как сговорились! Этого, сестрица, знать тебе не надобно!

Встал брат из-за стола и ушёл восвояси. Выбрался Иван Семистарцев из подпола, на Луну вопросительно смотрит, а та только плечами пожимает. Поблагодарил тогда юноша девицу за угощение, из дворца хрустального вышел, а во дворе уж Ногай-птица его поджидает. Подхватила она доброго молодца да понесла в неведомые дали.

Долго ли они летели, коротко ли, пока не добрались до золотого дворца. Вышла на крыльцо девица Звезда, пригласила гостя в палаты светлые, накормила, напоила, стала расспрашивать, кто он таков да куда путь держит.

— Я Иван, семью старцами крещёный. Отправил меня царь-батюшка разузнать, почему по осени Солнце на три дня, три часа да три минуты померкло. Долго уж я по свету брожу, только так ответа на вопрос и не получил, – отвечает путник.

— Не печалься, добрый молодец! Сегодня Солнце в гости ко мне придёт, я у него всё выведаю. А ты пока спрячься.

Только успел Иван Семистарцев в подпол спуститься, как к Звезде братец пожаловал.

— Отчего это у тебя, сестрица, во дворце духом русским пахнет?

— Ох, братец! Каждый день ты светом ясным землю озаряешь, вот тебе везде русский дух и мерещится! Садись-ка, поешь, попей, да поведай мне, отчего ты по осени на три дня, три часа да три минуты померк?

Рассердилось Солнце:

— Вы с Зарёй да Луной прямо как сговорились! Всё-то вам знать хочется! Ну, так слушай: гулял я над морским простором, а тут Марья-царевна в золотой шлюпке прокатиться вздумала. Плывёт она, серебряным веслом гребёт, загляденье просто! Захотел я девицу-красавицу в щёчку алую поцеловать, прикоснулся к ней лучиком, а она как

треснет меня веслом! Три дня, три часа да три минуты я болел, потому и не светил.

Поговорили братец с сестрицей ещё о том о сём, а потом братец восвояси отправился.

Как выбрался Иван Семистарцев из подпола, рассказала ему Звезда, о чём Солнце ей поведало. Поблагодарил добрый молодец хозяйку, из золотого дворца вышел, а во дворе уж Ногай-птица его поджидает. Подхватила она доброго молодца да понесла обратно в родное царство.

Доложил Иван Семистарцев царю Гордею, отчего светило небесное по осени на три дня, три часа да три минуты померкло. Загорелись у государя глаза:

— Это что ж за красавица такая в золотой шлюпке плыла, что даже само Солнце её поцеловать захотело?! Достань мне Марью-царевну, хоть из-под земли! Жениться на ней хочу! А коли не выполнишь мой приказ, полетит твоя голова с плеч долой!

Закручинился Иван Семистарцев, не знает, как волю царскую исполнить. А Ногай-птица уж тут как тут:

— Отчего ты, друг мой, невесел? Почему буйную голову повесил?

Рассказал ей добрый молодец о своей печали.

— Ну, с этой задачей ты запросто справишься! – успокаивает Ногай-птица. – Попроси государя корабль снарядить да лучших царских музыкантов с тобой вместе на том судне в море-океан отправить. Станут они играть, заслушается Марья-царевна, а потом в пляс пустится. Будет она до тех пор танцевать, пока совсем сил не лишится. Тут-то ты её с золотой шлюпки подхватишь, на свой корабль перенесёшь и к Гордею привезёшь.

Сделал Иван Семистарцев всё так, как Ногай-птица велела: попросил царя корабль снарядить да лучших музыкантов вместе с ним морские просторы бороздить отправить. Выплыла девица на золотой шлюпке с серебряным веслом в море-океан, услышала музыку развесёлую как пустится в пляс! До тех пор танцевала, пока совсем без сил не упала. Подхватил её тогда добрый молодец, на свой корабль перенёс и в царство Гордея привёз.

Как увидел государь Марью, чуть дара речи не лишился: уж такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером описать! Начал он девицу упрашивать:

— Не пугайся, гостя дорогая! Никто тебе в моём царстве зла не причинит! Пленён я твоей красотой неземной! Выходи за меня замуж!

А девице старый царь совсем не люб, ей Иван Семистарцев приглянулся. Только как же государю отказать да в царскую немилость не впасть? Говорит тогда Марья:

— Не могу я замуж без того подвенечного платья идти, которое мне матушка в наследство оставила! Лежит оно в сундуке, сундук под престолом, престол в церкви златог-

лавой, а церковь на дне моря-океана стоит.

Позвал тогда Гордей Ивана Семистарцева, велел Марьино желание исполнить. Закручинился добрый молодец, а Ногай-птица уж тут как тут:

— Отчего ты, друг мой, невесел? Почему буйную голову повесил?

Рассказал ей юноша о своей печали.

— Ну, с этой задачей ты запросто справишься! – успокаивает Ногай-птица. – Садись мне на спину, вмиг тебя до места домчу.

Устремилась птица в дальние дали, зависла на секунду посреди морского простора да вниз кинулась. И тут же волны перед ней расступились, на самом дне церковь златоглавая показалась. Зашёл Иван Семистарцев в храм, нашёл под престолом сундук, достал из него подвенечное платье, а потом снова на Ногай-птицу уселся и доставил наряд Марье-царевне.

— Ну что, теперь станешь моей женой? – спрашивает царь девицу.

— Не могу я замуж без того обручального кольца идти, которое мне матушка в наследство оставила! – отвечает царевна. – Лежит оно в ларце, ларец на зелёном дубе висит, а дуб на дне моря-океана растёт.

Снова позвал Гордей Ивана Семистарцева, велел Марьино желание исполнить. Закручинился добрый молодец, а Ногай-птица уж тут как тут:

— Отчего ты, друг мой, невесел? Почему буйную голову повесил?

Рассказал ей юноша о своей печали.

— Ну, с этой задачей ты запросто справишься! – успокаивает Ногай-птица. – Садись мне на спину, вмиг тебя до места домчу.

Устремилась птица в дальние дали, зависла на секунду посреди морского простора да вниз кинулась. И тут же волны перед ней расступились, на самом дне дуб зелёный показался. Забрался на него Иван Семистарцев, отыскал ларец, достал из него кольцо обручальное, а потом снова на Ногай-птицу уселся и в родное царство вернулся.

— Ну что, теперь пойдёшь со мной под венец? – спрашивает царь девицу.

— Не могу я женой твоей стать, – отвечает Марья-царевна. – Больно уж ты стар! Но есть одно средство, чтобы моложе тебя сделать. Прикажи слугам целый чан козлиного молока надоить да в нём искупайся.

Сделали слуги так, как девица велела. А потом позвал Гордей Ивана Семистарцева и говорит:

— Сначала ты в чан нырни, а я посмотрю, что из этого выйдет.

— Эх, была не была! – думает юноша. – Двум смертям не бывать, а одной не миновать!

Прыгнул он в козлиное молоко, а когда обратно выбрался, стал краше прежнего.

Обрадовался царь Гордей, тоже в чан нырнул, а пока назад вылезал, Ногай-птица Ивана Семистарцева вместе с Марьей-царевной на крылья свои подхватила да унесла за тридевять земель, за тридесять морей в чудесное царство. Сыграли добрый молодец с красной девицей свадьбу развесёлую, а потом стали жить-поживать да добра наживать.